

1 ДЕК 1985

«ТАМБОВСКАЯ ПРАВДА»

ОН ПРИДЕТ утром в театр, закурит, посидит перед репетицией на пятке, где любят сходиться актеры, пошутит, послушает, собрав добрые шуточки у глаз. А вечером выйдет на сцену. И вроде бы все тот же Антонов, только теперь у него словно какой-то магнит внутри.

Есть актеры, чье обаяние трудно поддается определению. На сцене с ними будто ничего не происходит — так буднично, обыкновенно каждое движение, так естественно и свободно живут они в роли. И чем труднее увидеть приметы мастерства, профессионализма, тем притягательнее актер для зрителя.

Таково обаяние Виктора Антонова. В спектакле «У порога тишины», так в Оренбургском драматическом театре назвали дударевских «Рядовых», мы встречаемся с Дервоедом как со старым знакомым. Запыленные сапоги, стирная гимнастерка рядового, прошедшего войну от родного порога до чужой земли, это нехитрое солдатское одеяние на Антонове очень впору, как давно привычное. И пробитая пулей пустая фляжка, спокойно отброшенная в сторону, и неспешные движения пальцев, сворачивающих самокрутку, привычная усталость солдата — все просто, неброско, узнаваемо. Но в то же время значительно. Значительны несуетливые тяжелые шаги, большие трудовые руки, медленный поворот головы, взгляд из-под нависших бровей.

— Ну, что ты смотришь, дед? Что смотришь? — срываясь кричит Дервоеду Буштец.

Во взгляде артиста — понимание, мудрость большого человека, суровый укор, тревога и доброта. Его глаза — как совесть, как правда. Потому они так тревожат Буштеца, искореженного, озлобленного войной. Война все отняла и у Дервоеда, но не убила душу, не выстудила злобой сердце.

А сколько оттенков знает его лицо и речь? Вдруг в потоке чужого разговора, тихо, но отчетливо обронит: «Сеять пора...» Негромкие слова так точно и емко прозвучат, что уже за ними встает биография землешаца, в чужом краю услышавшего зов родной земли. А может, отозвалась здесь душа самого Виктора Николаевича, которого и сегодня тянет на родную Тамбовщину, в село Ржаксу, где он родился?

— Наши земляки

ОБАЯНИЕ ТАЛАНТА

Он роняет слова, словно зерна в пашню. Крепкое, звучное, весомое слово автора как бы расставляет акценты в спектакле, а вся роль Антонова становится доминантой, центральной фигурой и смыслом спектакля о народной душе, о национальном характере.

Рука не поднимается написать: «так играет Антонов». Не играет — актер сливается со своим героем. Они в одном строю — Дервоед, Антонов, твои, Россия, сыновья. Такое звучание спектакль обретает, в первую очередь, благодаря игре Антонова. Ему вообще сродни натуры могучие, характеры сильные. Он приводит на сцену людей, которые умеют жить открыто, яростно и широко. Таких, как симоновский Глоба в «Русских людях». Как неистовый Нагульников в «Поднятой целине», свято верящий в свою личную ответственность за судьбу мировой революции. Как неугомонный Шилов из «Превышения власти», про

которого можно было бы сказать, что общественное он ставит выше личного, если бы именно общественное не было бы его личным делом.

Антонов умеет придать масштабность и значительность любому персонажу. Даже эпизодическому. Когда режиссеру-постановщику спектакля «Ричард III» Н. Тхакумашеву нужно было подчеркнуть роль народа в происходящих событиях, он поручил роль Горожанина Антонову. И через оценки этого почти бессловесного лица, через его глаза было выражено народное отношение к кровавой войне за трон. Одно только появление крупной колоритной фигуры актера придавало доселе безликой массе значительность и силу.

Природная органика, что само по себе явление редкое, сочетается у Антонова с чисто русским национальным характером. Своего героя он всегда чувствует нутром. В его персонажах всегда есть что-то крепкое, надежное. Им невозможно не сочувствовать, за них болит сердце как за самых близких, родных. Да и собственный характер актера — эта душевная открытость и простота, непосредственность, юмор, доброта и незлобность — из того же корня народного.

Выражение «любимец публики» больше подходит для театральных рецензий прошлого века. Но по отношению к Антонову его можно смело употреблять сейчас. Сам он лишь отмалчивается: «Чего уж там...» До сих пор вздыхает — моряком надо было стать или хлеб сеять. Вот дело настоящее! А то, что скоро четверть века как в театре, что уже 14 лет на оренбургской сцене, где одно за другим получил звания заслуженного и народного артиста республики, — это вроде бы не в счет.

Но завтра он снова придет в театр. А вечером выйдет на сцену...

Г. ОРЛОВА.